

осада и взятие Константинополя были лишь одним, хотя и крупным, эпизодом этой истории. Искандер ограничил свою задачу изложением, почти исключительно фактическим, военных событий осады и взятия Константинополя. Поэтому и самый подбор сведений у них не одинаков. Но это обстоятельство, разумеется, не могло отразиться на достоверности даваемых ими сообщений, чем и объясняется отсутствие резких расхождений в случаях, когда им приходится говорить об одном и том же: разница могла оказаться в деталях. В результате, сообщения Франтцы в общем обстоятельнее, нежели у Искандера, о константинопольских делах, а у последнего — обстоятельнее о делах турецких. В таком соотношении можно убедиться из сопоставления нескольких аналогичных сообщений у того и другого. Так, например, обстоит дело с Джованни Джустиньяни: появление его с кораблями и войсками в Царьграде несомненно было выдающимся событием времени осады, оказавшим заметное влияние на самый ход борьбы; о нем одинаково и с симпатией говорят и Франтца, и Искандер, но Франтца говорит, что Джустиньяни покинул свое место на стенах города, будучи ранен стрелой в бедро правой ноги; по Искандеру же в первый раз он был ранен в грудь каменным ядром, после чего вернулся в строй, и вторично — в плечо, после чего был унесен своими соратниками франками (30, 32). О дальнейшей судьбе Джустиньяни повесть не рассказывает, а Франтца сообщает, что Джустиньяни, несмотря на просьбу царя, удалился в Галату, где и умер.¹

Небезынтересно сопоставление сведений того и другого о смерти царя Константина. О последних минутах жизни царя повесть знает только то, что он погиб в Золотых воротах, не будучи в состоянии пробраться сквозь массу трупов, загромождавших ворота. Далее сообщается о том, как какой-то сербин принес к султану голову царя, как султан, пожалев о гибели царя, передал ее патриарху,² наконец, сообщено: „От иных же тако слышахом, яко оставшей от сущих со царем у Златых врат, украдоша его тоа нощи и отнесоша его в Галату и сохраниша“ (459). Франтца же подробно рассказывает о судьбе тела царя, не останавливаясь на обстоятельствах гибели царя. По взятии города и исчезновении царя распространились разные слухи: одни говорили, что царь бежал, другие, что он скрывается в городе, третьи, что он погиб в битве. Султан приказывает произвести розыски, и среди обезглавленных трупов опознан был труп царя по золотым орнаментам на туфлях, какие имели обычаем носить греческие цари. Султан передает труп христианам, которые и погребают тело с почестями. Ясно, что оба в своих сообщениях исходят из различных устных рассказов, вероятно, в большом числе циркулировавших в Константинополе вскоре по его взятии. Вероятно, Франтца был лучше Искандера осведомлен о таком видном человеке, как кир Лука (Нотарь). Искандер мог сообщить о нем только то, что он был казнен за содействие бегству царицы из Константинополя (40). Франтца рассказывает о нем подробно, но иное: желая спасти себя, Лука предоставил Магомету громадные (в том числе, вероятно, и царские) сокровища, но тщетно.

¹ „Иной перевод“ о судьбе Джустиньяни сообщает, согласно с Франтцем, с небольшой подробностью: „Иустинян же в Галате граде бив и отуду на Хи остров отпав, тамо или от язвы или от труда в недуг впад, себе беславию жизни разрешив. В истину блажен бы бив, аще бы в самех стенах византийских дух отдал“ (А. Попов. Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 90).

² Патриарх же якобы спрятал ее под престолом в св. Софии — сообщение сомнительное: св. София была уже во власти турок.